

Хан Сиэнь задумчиво сжал в ладони пресный, чуть пожелтевший маньтоу, предназначенный для Цзи Хуая. Его холеные, тонкие пальцы держали дешевую паровую булочку с таким изяществом, словно то была величайшая драгоценность. Не торопясь, он разломил ее пополам.

Внутри, как и следовало ожидать, обнаружилась записка. Подобный способ тайной переписки едва ли мог кого-то удивить своей новизной.

И все же в доме герцога Хань действовали с предельной осторожностью. Эту лазейку они подготовили заранее, еще когда Цзи Хуая только заключили под стражу, рассчитывая сохранить возможность связи на самый крайний случай.

Человек, который все это время возил провизию в поместье опального принца, был тайно подкуплен Хан Чжо. Сколько ни ищи, доказать его связь с герцогским домом не удалось бы никому.

Поставки шли без сучка и задоринки. Для пущей верности Хан Чжо даже велел отправить несколько пустых листков — и стража ничего не заподозрила. Заговорщики были уверены, что и нынешнее послание дойдет до адресата без малейших препятствий.

Но какими бы осмотрительными ни были заговорщики, против Хан Сиэня, наделенного уникальным, поистине сверхъестественным даром, они были обречены на провал.

Он с самого начала разгадал замыслы Хан Чжо и безучастно наблюдал со стороны, выжидая, когда у того и у Хан Шу лопнет терпение. Ему нужно было взять их с поличным.

Сиэнь действовал столь стремительно и расчетливо, что сопровождавшие его гвардейцы лишь утвердились в мысли: молодой маркиз давно установил слежку за обоими поместьями. Лишних вопросов они не задавали — все их мысли были заняты предвкушением щедрой награды за поимку изменников.

Развернув извлеченную из мякиша полоску бумаги, Сиэнь принялся читать.

Послание не содержало сюрпризов. Хан Чжо сообщал Цзи Хуая, что в Сицзяне с наследным принцем Цзи Ло стряслась беда, и столица теперь погружена в хаос. Принцу советовали тайно связаться с верными чиновниками и, воспользовавшись исчезновением наследника, заявить о своих притязаниях на Восточный дворец. От самого Цзи Хуая требовалось лишь разыграть раскаяние: желательно слечь от тяжелого недуга и написать императору покаянное письмо собственной кровью. В конце письма туманно намекалось, что даже если Цзи Ло уцелел, тревожиться не о чем — гонцов из Сицзяна перехватят в пути, лишив государя вестей. К тому моменту, как законный наследник вернется, все уже будет решено.

Пробежав глазами строчку за строчкой, Сиэнь аккуратно сложил бумагу и спрятал в ладонь. Обернувшись к гвардейцам, он ледяным тоном приказал:

— Окружить поместье герцога Хань. Никого не впускать и не выпускать. Ждать личного указа Его Величества.

Гвардейцы без промедления бросились исполнять приказ. Те, кто успел перехватить равнодушный взгляд молодого предводителя, невольно содрогнулись. «До чего же безжалостный человек», — пронеслось у них в головах. Решалась судьба его собственной семьи, само имя герцогов Хань вот-вот должно было навсегда исчезнуть из истории столицы, а он отдавал приказы с таким видом, будто разорял чужое гнездо. Интересно, каково это — собственными руками разрушить наследие предков, создававшееся веками? Не явятся ли к нему ночью разгневанные тени праотцов?

Отдав распоряжения, Сизнь не спешил уходить. Он посмотрел сверху вниз на дрожащего пленника, а затем перевел взгляд на охраняемые тяжелыми засовами ворота усадьбы, где томился Цзи Хуай со своими наложницами.

Постояв немного в задумчивости, он скользнул взглядом по корзине с едой, предназначавшейся для принца. Самая скудная, копеечная стряпня: сухие, грубые маньтоу из дешевой муки пополам с отрубями да вялые, потемневшие овощи.

Сразу становилось ясно: жизнь затворника сладостью не отличалась. Людская натура полна скрытой низости. Пока Цзи Хуай купался в роскоши, эти же слуги пресмыкались перед ним, но стоило ему оступиться, как вчерашние подхалимы принялись топтать его с особым упоением. В их мелких душах ликовало злорадство: «Будь ты хоть трижды императорской крови, теперь ты зависишь от нашей милости!» Павшему фениксу не сравниться и с простой курицей — эта поговорка как нельзя лучше описывала нынешнее положение принца.

Сизнь долго и пристально разглядывал стражников, затем перевел тяжелый взор на кухонную челядь. Под его ледяным взглядом те испуганно втянули головы в плечи. Если рожденный в порфире сын императора вынужден заглядывать в глаза последнему поваренку ради куска хлеба, это действительно предел падения.

Сизнь поднял корзину со скудным обедом и направился к жилым покоям. Часовые у входа растерянно переглянулись. Позади них гвардейцы уводили разоблаченного посыльного, на лице которого застыл смертный ужас.

Увидев приближающегося Сизня, стражники скрестили перед ним копья и несмело пробормотали:

— Господин маркиз, это запретная зона. Без императорского указа входить строго воспрещено.

Сизнь окинул их равнодушным взглядом:

— Разве Его Величество издавал подобный указ?

Часовые смешались. Разумеется, письменного повеления не существовало, однако негласное правило соблюдалось неукоснительно.

— Я пришел навестить пятого принца от имени государя, — небрежно бросил Сиэнь. — Если возникнут вопросы, отвечать буду я. Открывайте.

Покосившись на суровых гвардейцев за спиной маркиза, стражники рассудили, что раз Сиэнь действует столь открыто, император наверняка обо всем узнает. Медлить они не решились, убрали копья и распахнули тяжелые ворота.

Сиэнь впервые перешагнул порог этого дома. От былой роскоши не осталось и следа: усадьба тонула в упадке, дорожки покрывал толстый слой пыли, а по углам уныло висела паутина.

Миновав главный зал, он направился к жилым покоям в глубине двора. Еще издали до него донеслись пронзительные женские крики. Голоса показались смутно знакомыми. Сиэнь прищурился и не спеша зашагал на шум. Взору его предстала безобразная сцена: Хан Цинсюэ и Хэ Юйчжу яростно бранились, не стесняясь в выражениях.

Сам Цзи Хуай, одетый в простое заношенное одеяние, бессильно прислонился к дверному косяку. В его глазах сквозила смертельная усталость. Он даже не пытался их унять, прекрасно понимая, что его слово в этом доме больше ничего не значит.

Обе женщины когда-то славилась утонченной красотой. Одну баловали родители, другую осыпала ласками любящая бабушка; обе не знали ни в чем отказа, купаясь в золоте и шелках. Позже одна примерила титул законной супруги принца, вторая стала его любимой наложницей — завидная, блистательная доля. Но судьба перевернула их жизни в один миг. Оказавшись под арестом вместе с мужем, лишённые слуг и привычного ухода, они столкнулись с суровой реальностью. Великолепные наряды сменились дешевой холщовой одеждой, а изнеженные руки теперь были вынуждены стирать белье и готовить скудную похлебку.

На них не осталось ни единого украшения, а лица лишились былой изысканности. На памяти Сиэня эти благородные дамы никогда еще не выглядели столь жалкими и запущенными. Сейчас они яростно спорили о том, чей черед стирать белье.

Поначалу, когда ворота усадьбы только захлопнулись, женщины еще выказывали принцу уважение. Они кротко утешали поверженного супруга, лелея надежду на скорое прощение и стремясь показать нерушимую верность в час испытаний. Но шли месяцы. Кожа на пальцах огрубела, еда становилась все хуже, а ради лишней плошки риса приходилось унижаться перед безродным тюремщиком. Столкнувшись с нищетой, о которой они прежде и не подозревали, и осознав, что обречены провести здесь остаток дней, обе погрузились в пучину отчаяния.

Без своего блистательного титула Цзи Хуай оказался самым заурядным мужчиной. За душой у него не было ни единого медного гроша, и выживать приходилось лишь за счет тех крох из личного приданого жен, что чудом удалось утаить от обыска. Постепенно уважение уступило место обиде и глухому раздражению.

До открытых оскорблений в адрес некогда могущественного мужа они пока не опускались, но от былой покорности, лести и притворного обожания не осталось и следа.

Стоило Хан Цинсюэ попытаться прикрикнуть на соперницу, пользуясь правами законной супруги, как Хэ Юйчжу тут же ядовито огрызалась, советуя не строить из себя великую госпожу в свинарнике. Когда же принц пробовал их урезонить, на него обрушивался поток желчных попреков. Поначалу Цзи Хуая это оскорбляло и приводило в замешательство, но за прошедшее время он успел привыкнуть и просто онемел от душевного пепла.

Ссоры вспыхивали по любому поводу. Женщины припоминали друг другу девичьи обиды, давнее соперничество за внимание принца и подлые козни, которые строили за спиной друг у друга. Несчастному Цзи Хуая оставалось лишь изо дня в день выслушивать эти грязные тайны собственного гарема, коротая свои самые мрачные дни.

Разгар очередной базарной перебранки прервало появление незваного гостя. Цзи Хуай первым заметил вошедшего. Его глаза изумленно расширились; он зажмурился, не веря собственному зрению, но, вновь открыв глаза, убедился, что перед ним действительно стоит Хан Сиэнь.

Вслед за ним замолчали и спорящие женщины. Они никогда прежде не видели Сиэня в его нынешнем величии и на мгновение онемели, пораженные его благородным и холодным обликом. Сердца их робко екнули от внезапной надежды: неужели такой влиятельный человек пришел к ним с вестью об освобождении?

Но едва Цзи Хуай хрипло произнес имя гостя, как радость на лицах обеих соперниц сменилась леденящим ужасом. Обе они в свое время немало досадили Сиэню. Цинсюэ когда-то строила козни против его сестры Хан Минчжу, а Юйчжу до сих пор с содроганием вспоминала, как этот безумец хладнокровно сломал ей запястье. Страх сковал их мысли: неужели он явился за расплатой?

Судьба сыграла с ними злую шутку. Те, кто когда-то взирал на Сиэня со сесью и высокомерием, теперь дрожали от страха, не в силах даже выдавить заискивающую улыбку.

Сиэнь даже не взглянул на перепуганных женщин. Он небрежно опустил корзину на полуразрушенное каменное изваяние в углу двора и устремил бесстрастный взгляд на хозяина дома.

Принц сильно похудел. Его изможденность была не столько физической, сколько душевной — годы тяжелых забот словно обрушились на него за несколько месяцев. Собрав остатки гордости, он попытался сохранить лицо:

— Зачем ты здесь, наследник Хань? Пришел поглумиться над моей участью?

Едва он умолк, как сопровождавший Сиэня гвардеец шагнул вперед и с нескрываемым пренебрежением поправил:

— Почтительнее, Ваше Высочество. Перед вами не просто наследник, а маркиз Вечного Покоя, пожалованный этим титулом лично Его Величеством.

Лицо Цзи Хуая вспыхло от унижения, но препираться из-за титулов он не стал. Оказавшись на самом дне, он научился принимать любые удары судьбы. Опальный, запертый в четырех стенах принц без малейшей надежды на возвращение к власти — кто стал бы утруждать себя тем, чтобы сообщать ему столичные новости?

Сиэнь бросил мимолетный взгляд на излишне рьяного гвардейца, а затем неторопливо обратился к принцу:

— Прошу простить, Ваше Высочество. У меня и в мыслях не было злорадствовать. Я лишь случайно проходил мимо и решил навестить старого знакомого.

Цзи Хуай, разумеется, не поверил в это внезапное великодушие, но истинные мотивы визита разгадать не мог. Впрочем, терзать себя догадками он не стал — если у Сиэня и была какая-то цель, рано или поздно она проявится.

Изначально Сиэнь собирался сообщить им, что герцогскому дому Хань пришел конец. Однако, глядя на трясущихся от страха женщин и обреченное неведение некогда надменного принца, он внезапно передумал. Это не было жалостью — скорее, глубокой скукой. Смысла тратить слова на этих мертвецов не оставалось.

Рано или поздно вести о падении его семьи все равно дойдут до этих стен, так к чему утруждать себя? Прийдя к этой мысли, Сиэнь развернулся и пошел прочь, словно действительно заглянул сюда лишь из мимолетного любопытства.

У самых ворот он остановился и негромко произнес, обращаясь к часовым:

— Государь не лишал пятого принца его статуса. Это значит, что в глубине души он все еще помнит о сыне. Цзи Хуай остается принцем крови. Если в один прекрасный день Его Величество призовет его обратно, каждое унижение, перенесенное им сегодня, станет вашим смертным приговором. Помните об этом и знайте меру.

В его словах не было лжи — Сиэнь знал изменчивый нрав императора лучше, чем кто-либо другой. Этот правитель сумел сдержать гнев и пощадить генерала Бая и его сына даже после позорного разоблачения тайной связи вдовствующей императрицы с Бай Цзюнем. Что же говорить о собственном сыне, который, несмотря ни на что, не совершал прямой измены? Обида государя со временем утихнет, и капля отцовской жалости неизбежно возьмет верх.

Именно поэтому Хан Чжо так отчаянно цеплялся за этот призрачный шанс. В случае гибели Цзи Ло престол Великой Чжоу неизбежно стал бы добычей для нового хищника, и расклад сил при дворе изменился бы кардинально.

От этих слов у стражников перехватило дыхание, и они поспешно, со страхом в голосе закивали, обещая проявить должное рвение.

Покинув головой, Сизнь покинул поместье принца и направился напрямик в императорский дворец. Доклад о раскрытом заговоре привел государя в неопишную ярость. Получить высочайший указ о суровом наказании изменников из рода Хань оказалось делом нескольких минут.

Сжимая в руках свиток с императорской печатью, Сизнь вышел за дворцовые ворота. На этот раз он отказался от паланкина и сел в седло послушного белого мерина. Поначалу его движения были скованными и неловкими, но конь шел мягко, и к тому моменту, как копыта зацокали по мостовой у ворот поместья Хань, молодой маркиз уже вполне уверенно держался в седле.

Когда он прибыл на место, всех обитателей усадьбы уже согнали во внутренний двор. В воздухе стоял плач и причитания женщин, сквозь которые прорывался яростный, хриплый ор Хан Шу.

Лишившись чинов и влияния, которое давало ему родство с пятым принцем, второй дядя превратился в обыкновенного паразита, кормившегося за счет славного имени предков. Сам же Хан Чжо неподвижно сидел в кресле посреди двора. Судя по его окаменевшему лицу, он ждал появления Сизня.

Завидев племянника, Хан Шу зашелся в новом приступе бешеной брани. Он брызгал слюной, называя Сизня паршивым вырожденком, который посмел покуситься на вековое гнездо собственных предков. Он кричал, что небеса покажут святотатца громом, и истощно проклинал его, желая сгинуть без погребения в сточной канаве.

Сизнь безучастно слушал этот поток оскорблений. Когда Хан Шу наконец задохнулся от собственной злобы и умолк, юноша сделал неторопливый шаг вперед. Дядя рванулся было к нему с кулаками, но стоявшие рядом гвардейцы мгновенно заломили ему руки. Сизнь равнодушно, без замаха, пнул его под колено. Былой вояка, давно пропивший здоровье и превратившийся в дряхлую развалину, безвольно рухнул в дорожную грязь.

Даже не взглянув на копошащегося на земле родственника, Сизнь холодно бросил:

— Дядюшка, верно, еще не протрезвел после вчерашнего и бредит. Уведите его и помогите прийти в себя.

Гвардейцы молча уволокли отчаянно сопротивляющегося Хан Шу к колодцу во дворе и без лишних церемоний окунули его головой в бадью с ледяной водой. При звуках его захлебывающегося мычания Хан Юэчжун порывисто шагнул было вперед, но госпожа Чжан мертвой хваткой вцепилась в его рукав, удерживая на месте. Члены третьей ветви семьи и вовсе дружно отвели глаза, делая вид, что ничего не происходит.

Хан Чжо угрюмо наблюдал за этой сценой. Наконец он поднял тяжелый взгляд на Сиэня:

— За что ты так с нами?

Сиэнь долго смотрел на него с нечитаемым выражением лица, а затем наклонился к самому его уху и тихо, отчетливо прошептал:

— Когда в стенах этого проклятого дома каждый из вас пытался сжить меня со света, когда ты травил меня ядом и молча потакал слугам, сбросившим меня в пруд, — почему ты тогда не спрашивал «за что»? Когда вы с вдовствующей императрицей плели заговор, желая моей смерти, — где были твои вопросы? Ты сделал первый шаг, я лишь завершаю партию. Ты ведь прекрасно знал, что этот день настанет. Знал, но ничего не мог поделать, кроме как бессильно ждать своей участи.

— Это низкая, личная месть! — задыхаясь от ярости, прохрипел Хан Чжо. — Запомни, щенок: без поддержки рода Хань твой титул маркиза не стоит и ломаного гроша. Ты не проживешь спокойно и дня!

Сиэнь выпрямился и с пренебрежением покачал головой. На его губах заиграла горькая, полная жалости усмешка:

— Ты так ничего и не понял. Не у каждого в этом мире столь же мелочные и убогие устремления, как у тебя.

Если бы не алчность Хан Чжо, до конца цеплявшегося за призраки былого величия, герцогский дом простоял бы еще долго. Но непомерные амбиции затмили разум старого интригана, и вместо триумфа он привел всю свою семью к гибели.

Поняв, что спорить с ослепленным яростью стариком бесполезно, Сиэнь развернул императорский указ и звонким, разносившимся по всему двору голосом зачитал волю государя.

Обладая неопровержимыми доказательствами измены, император проявил абсолютную беспощадность. Род Хань лишился титула герцогов первой степени, а его потомкам до третьего колена впредь запрещалось поступать на государственную службу и занимать чиновничьи должности. Все слуги и челядь подлежали немедленной продаже с молотка, а земли, недвижимость и личное имущество семьи конфисковывались в пользу государственной казны. Всех членов семьи Хань предписывалось взять под стражу и препроводить в узилище Министерства юстиции до окончательного решения суда.

Едва смолк голос Сиэня, гвардейцы безжалостно скрутили Хан Чжо и остальных мужчин. Во дворе поднялся истошный вой, плач и стенания женщин.

По приказу Сиэня Хан Чжо заставили смотреть, как с ворот сбивают массивную позолоченную табличку с именем герцогов Хань, висевшую здесь веками, после чего тяжелые створки запечатали белыми полосами бумаги. Наблюдая за этим с бесстрастным взглядом, Сиэнь тихо подумал: «Теперь-то безвинно загубленная душа несчастного юноши наконец обретет покой».

Разорение дома Хань положило конец многолетним интригам, и обстановка в столице мало-помалу стабилизировалась. И как раз в этот напряженный момент из Сицзяна пришла долгожданная весть от наследного принца Цзи Ло.

Это была оглушительная, великая победа. Объединив силы с тайно действовавшим в тылу врага генералом Бай Вэньханем, Цзи Ло сокрушил армию противника и захватил большую часть крепостей Сижун. Третий принц Сижун бежал, его след затерялся в пустыне. Поверженный правитель Сижун спешно отправил послов в столицу с покаянной грамотой, умоляя принять его земли под покровительство Великой Чжоу на правах вассального государства.

Посреди всеобщего ликования Сиэнь получил от Цзи Ло личное письмо, отправленное с верным гонцом. Строки его дышали тревогой: спасая жизнь наследника престола, Бай Шу принял на себя удар вражеской стрелы. Наконечник вонзился ему прямо в грудь возле самого сердца, и сейчас его жизнь висела на волоске.

<http://bllate.org/book/20088/2002110>